

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095



**ОГОНЁК**

№ 1

1984



*Сергей ВАСИЛЬЕВ*

М О С К В А  
ИЗДАТЕЛЬСТВО  
«П Р А В Д А»

**Р О С С И Я**



БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 1

---

Сергей ВАСИЛЬЕВ

# РОССИЯ

Москва. Издательство «ПРАВДА»  
1984

## Сергей ВАСИЛЬЕВ

*Сергей Александрович Васильев (1911—1975) родился в Зауралье, в городе Кургане. Рос сиротой.*

*Учился в трудовой школе, затем переехал в Москву. Работал санитаром, грузчиком, рабочим ситценабивной фабрики, актером, литературным работником на радио. Окончил Литературный институт имени А. М. Горького при Союзе советских писателей.*

*Печататься С. Васильев начал в 1931 году. Первая книжка стихотворений «Возраст» вышла в 1933 году.*

*В годы Отечественной войны С. Васильев — сначала в ополчении, затем в армейской печати — как поэт и корреспондент газет «Правда», «Известия», «Красная звезда». В это время и после войны выходят сборники его патриотических стихов «Поле русской славы», «Портрет партизана», «Москва за нами», «Великая Отечественная», «Москва советская», переводы стихов классика азербайджанской поэзии — Сабира. В 1977—1979 годах в издательстве «Художественная литература» вышло трехтомное собрание сочинений С. Васильева.*

*Поэт работает в разных жанрах — поэмы, песни, стихи, пародии. За поэму о подвиге генерала Карбышева «Достоинство» С. Васильев в 1973 году удостоен Государственной премии РСФСР имени Горького.*

*Награжден орденом Красная Звезда, медалью «За отвагу».*

*Жизненный путь поэта оборвался 2 июля 1975 года.*

*С. Васильев — почетный гражданин г. Кургана. В средней школе № 29 открыт литературный музей С. Васильева. Одна из улиц родного города носит имя поэта.*

## ПЕВЕЦ РОССИИ

В эти дни Сергею Александровичу Васильеву было бы чуть больше 70 лет, но мне он всегда вспоминается молодым, веселым, полным искрящегося юмора и любви ко всему живому. Таким он был и за день до смерти, когда летом 1975 года я приехала навестить его в кунцевскую больницу. Было ему тогда 64 года...

Наверное, редко кто видел своего отца со свистом бегущим по крыше дома во главе ватаги мальчишек. А я помню отца и таким: он был отчаянный голубятник, любимец мальчишек нашего двора на Тверском бульваре. Впрочем, о своей любви к голубям он достаточно рассказал сам в своих стихах, в поэме «Голубь моего детства»:

Прямо с лета, прямо с хода,  
поражая опереньем,  
словно вестник от восхода,  
он летит в стихотворенье.

Он такой, что не обидит,  
он такой, что видит место,—  
он находит для насеста  
самый лучший мой эпитет...

Кто-то из критиков написал, что васильевский «Голубь» стремительно влетел не только в стихотворение, но и в советскую поэзию как вестник нового пополнения ее, неся на своих крыльях веру тогдашнего молодого поколения — чувство преемственности, верность революционным идеалам, пафос героики, все то, чем жила молодежь и что ему удалось так поэтично, ярко и самобытно выразить.

Родился Сергей Александрович Васильев в 1911 году в сибирском городе Кургане. Он рано потерял родителей, рос сиротой. «В печальном факте сиротства, — напишет он потом в автобиографии, — есть, однако, свой жестокий резон: закалка». Зарабатывал он тогда на жизнь чем приходилось — был грузчиком, рабочим на ситценабивной фабрике, истопником, санитаром.

В восемнадцать лет написал первые стихи. В 1933 году выходит его первая книга «Возраст», открывшая беспризорнику путь в Литературный институт имени А. М. Горького. В 1935 году появляются поэмы «Голубь моего детства» и «Анна Денисовна», сразу обратившие на себя внимание. Отец рассказывал мне, что именно эти две вещи были ему особенно дороги, они стали для него не только обретением собственного лица в поэзии, но как бы манифестом, которому он следовал всю жизнь. Никогда он не изменил раз и навсегда избранной героико-патриотической теме. Эта страстная тема звучит в его раннем цикле «Молодой человек», посвященном Павлу Антокольскому, в его фронтовых стихах, в каждой поэме, будь она о первом русском авиаконструкторе Можайском, или об одном из самых трагичных и прекрасных героях Отечественной войны — генерале Карбышеве, или о декабристе Кюхельбекере. За поэму о Карбышеве «Достоинство» в 1973 году Сергей Васильев получил Государственную премию РСФСР имени Горького.

Этим же пронзительным чувством патриотизма окрашены стихи Васильева о русской природе, где дышит, бьется в наших сердцах и «буран черемух» и «червонный листопад», пылают «верха рябин», зовет, переливается «звонкий, как ручей» голос Родины. Вот и сегодня, включив утром радио, я услышала его, казалось бы, бесхитростную песенку: «Лучами красит солнышко стальное полотно, без устали, без устали смотрю, смотрю в окно». Как часто ездил он по русской земле, нет для него в стране поселка или города, чтоб был ему чужой. Он был верным сыном России и ее певцом, певцом ее природы, людей, героической истории.

Помню, как за год до его смерти мы вместе побывали в Кургане, в его родном и горячо любимом городе. Отец повез меня в места, где жил сосланный в Сибирь Вильгельм Кюхельбекер, в его избу над Тоболом. Теперь там библиотека и музей декабриста. Кстати, в их организации Васильев сделал немало. Встретили его здесь как родного.

Мы поднялись по хорошо знакомой ему тропинке на крутой берег. Над Тоболом стоял туман. Отец шел как всегда широко, свободно, с наслаждением вдыхая свежий речной воздух. С крутого берега открывался величественный вид. «Знаешь,— сказал он,— когда я впервые вышел сюда, то вдруг с особенной остротой почувствовал, что Кюхельбекер именно отсюда не раз смотрел на Тобол...»

Потом в библиотеке отец читал отрывки из поэмы о Кюхельбекере — своей последней поэмы. Читал всласть, с полной отдачей — как он умел читать. Слушали его, затаив дыхание... Особенно взволновала всех сцена, в которой рассказывается о том, как Кюхельбекер собирает в своем доме всех оставшихся в живых декабристов, чтобы справить день рождения уже тогда погибшего Пушкина...

Именно Пушкин был любимым поэтом отца. Я вспомнила одно из самых ранних и прекрасных его стихов — «Вдохновение», посвященное Пушкину:

«Спасенье приходит. И чуткой рукой  
Руку твою берет:  
«Последняя туча рассеянной бури,  
Одна ты несешься по ясной лазури...»  
(Ах, кто это там простонал в тиши?)  
Да полно томиться, пиши, пиши!  
То дети вдыхают ночные сны,  
То бьют над тобой часы.  
И медленно, медленно со стены  
Падают их басы...  
Ближе, ближе держись к столу —  
Струя уже понесла,  
Витая струя по крутому руслу  
Могучего ремесла.  
Все ниже парус кренит к валам,  
А был он совсем прямой.  
Смотри, переломится пополам,  
Останешься за кормой!  
Любые пороги — гребец готов,  
Хватило б ему чернил —  
Из дюжины взятых с собой листов  
Полдюжины исчернил.  
Гребец испытан, он все горазд  
В бурю перенести...  
А все-таки трудно на этот раз,  
Тяжко уже грести.  
Ветер запутывает слова,  
Ладью понесло на мол...»

...А отец тем временем читал о том, как в Сибири прошедшие казематы, сосланные, но несломленные декабристы празднуют день рождения того, кто сказал о себе «гребцам я пел». Песнь Пушкина о свободе была ими услышана. И для меня первые стихи отца о Пушкине и его последняя поэма о декабристах, о Кюхельбекере, оказались прочно связанными...

О Васильеве писали: поэт-патриот, поэт-публицист, поэт-сатирик. Мне приходилось слышать, как высоко оценивали его эпиграммы и пародии сами поэты, на кого они были написаны. Например, Павел Григорьевич Антокольский, которого отец любил особенно глубоко и нежно, но на которого тем не менее написал одну из своих лучших пародий «Бурбоны из Сорбонны», — иногда даже шуточно представлялся «Поль де Антоколь», — как он назван в пародии.

Несколько меньше известна лирика Сергея Васильева. У него есть проникновенные стихи о родной русской природе, о любви, о дружбе. Но о чем бы он ни писал — оставался гражданином, патриотом. Таковы его лирические военные стихи и песни, написанные в последние годы жизни. Теперь, через девять лет после смерти отца, стихотворение «Эхо» я читаю с особо трепетным чувством:

Уходят люди... Жил и вдруг не стало!

Уходят неожиданно, стремглав,  
рукой не дотянувшись до штурвала,  
заветную строку не дописав...

Земной поклон лесам, полям и водам.

Друзьям ушедшим мой поклон земной.

...Один стал улицей, другой стал теплоходом,  
а третий — звездочкою под сосной.

Он был человеком очень скромным, писал эти стихи о других, но, как бывает у большого поэта, стихи его стали пророческими.

И, бывая в Кургане, который и мне теперь стал родным, проходя по улице Сергея Васильева, я всегда вспоминаю эти строки.

*Г. С. ВАСИЛЬЕВА,  
кандидат филологических наук*



## Э Х О

Расцвел подснежник. Чайка пролетела.  
Взвилось ракеты истовое тело.  
Родился стих. Вступила домна в строй.  
Конечно, жизнь прекрасна без предела,  
но как она безжалостна порой!  
Уходят люди... Жил и вдруг не стало!  
Уходят неожиданно, стремглав,  
рукой не дотянувшись до штурвала,  
заветную строку не дописав.  
Им жить да жить бы, привечая зори,  
да совершать завидные дела,  
а их хватают медленные хвори,  
и валят с ног, и с корнем жгут дотла.  
Спасибо, что хоть отзвук остается,  
что жадному забвенью вопреки  
из эха мастеров, как из колодца,  
живую воду пьют ученики.  
Недаром же сказал так откровенно  
большой поэт, умевший вдаль смотреть:  
«Будь же ты вовек благословенно,  
Что пришло процветать и умереть!»  
Всплывает солнце, схожее с ковригой,  
встает на поле стебель-первоцвет,  
заснул в обнимку с неразлучной книгой  
упрямый начинающий поэт.  
Очнулся яшень. Иволга пропела.  
Раскатистая пенная волна  
на плоский берег вымахнула смело,  
студеным ветерком окрылена.  
Земной поклон лесам, полям и водам.  
Друзьям ушедшим мой поклон земной.  
...Один стал улищей, другой стал теплоходом,  
а третий — звездочкою под сосной.

1973 г.

## РОССИЯ

Люблю тебя, моя Россия,  
за ясный свет твоих очей,  
за ум, за подвиги святые,  
за голос звонкий, как ручей.  
Одною общею судьбою  
навек связанный с тобою,  
горжусь, как матерью, тобою,  
благословляющей на бой.  
В минуту горя, в час разлуки  
целую мысленно всегда  
твои натруженные руки  
в часы бессменного труда.  
В глухую ночь грозы военной  
и в светлый полдень торжества  
несу в себе, как дар бесценный,  
огонь великого родства.  
В землянках, в избах и в хоромах  
равно прекрасен твой наряд.  
Люблю буран твоих черемух  
и твой червонный листопад.  
Люблю твои луга и нивы,  
прозрачный зной твоих равнин,  
к воде склонившиеся ивы,  
верха пылающих рябин.  
Люблю тебя с твоей тайгою,  
с воспетым трижды камышом,  
с великой Волгою-рекою,  
с могучим, быстрым Иртышом.  
Люблю, глубоко понимаю  
степей задумчивую грусть.  
Люблю все то, что называю  
одним широким словом «Русь».  
Но я пою и славлю ныне  
не твой ромашковый покой,  
я славлю Русь как героиню,  
как землю гордости людской.  
Люблю тебя, моя Россия,  
за твой характер боевой,  
за испытанья грозные,  
за величавый облик твой.  
Люблю за то, что первой в мире,  
законы рабства истребя,

бесправья тягостные гири  
ты гневно сбросила с себя.  
Что на развалинах царизма  
своею собственной рукой  
воздвигла ты, моя отчизна,  
мир справедливости людской.  
И в час, когда пора настала  
оборонить его в бою,  
ты в полный рост отважно встала  
за правду вечную свою.  
Люблю тебя за то, что снова  
в борьбе свободу ты спасла,  
что ты решающее слово  
с мечом в руках произнесла.  
Что, победив, стряхнув усталость,  
неколебима и тверда,  
ты вновь примером оказалась  
на стройке мирного труда.  
Твои штыки на солнце блещут,  
твои огни в ночи горят,  
перед тобой враги трепещут,  
тебя друзья боготворят.  
Твоя ликующая сила  
под сенью стягов огневых  
объединила и сплотила  
семью республик молодых.  
Не счесть теперь твои богатства,  
не разомкнуть священных уз,  
не разделить знамена братства  
и не расторгнуть их союз.  
Прямым путем деяний славных  
ты с честью вышла на простор  
по праву первой среди равных  
своих прославленных сестер.

*1946 г.*

\* \* \*

Двадцать три весны уже подогнано  
к одному большому знаменателю.  
И земля, хитро и занимательно  
вся исчерчена, лежит под окнами.  
И земля, как черновая рукопись,  
непонятная, но вдохновенная,  
одержима творческими муками,  
не похожа ни на что обыкновенное.

*1934 г.*

## ЗЕМЛЯКАМ-СИБИРЯКАМ

Я вас славлю за геройство,  
за умение воевать,  
за решительное свойство  
никогда не унывать;  
за обычай рвать с размаха  
вьюги огненной кольцо  
и всегда глядеть без страха  
смерти бешеной в лицо;  
за любовь к своей винтовке,  
за привычку к зимовью,  
за ухватку, за сноровку,  
за находчивость в бою;  
за искусство видеть зверя  
в глубине лесных берлог,  
за умение твердо верить  
в свой охотничий зарок;  
за упрямый норов ловчий,  
перешедший в мастерство,  
за особый говор певчий  
с ударением на «о».  
Я вас славлю за единство,  
за пленительный, простой,  
братский дух гостеприимства,  
за характер золотой;  
за выносливость, которой  
нет преград и нет застав,  
за могучий рост матерый,  
за крутой гвардейский нрав;  
за испытанный, таежный,  
с детства выверенный слух,  
за хозяйственный, надежный  
ум, который лучше двух.  
Славя вас и воспевая,  
я горжусь, что у меня  
есть такая боевая  
знаменитая родня!

1942 г.

## НАТАША

Мы вошли в деревню с боем на рассвете.  
Надрывался ветер. Обжигал мороз.

Нас встречали с плачем женщины и дети,  
белые от снега, желтые от слез.  
Первая навстречу бросилась Наташа,  
худенькая девочка, продранный рукав.  
— Я ждала! Я знала! Вот листовка ваша! —  
лепетала девочка, вдруг ко мне припав.  
И рукой озябшей, крохотной и ловкой  
отогнула девочка шубки отворот  
и дала мне в руки красную листовку,  
ту, что мы бросали здесь на Новый год.  
Я вошел с ней в избу. Холодно и пусто.  
Только ветер воет в дымовой трубе.  
Ни краюшки хлеба, ни листка капусты  
не оставил немец в маленькой избе.  
Я узнал: фашисты увели с собою  
на глазах у девочки плачущую мать,  
и с тех пор Наташу круглой сиротою  
хмурые соседи стали называть.  
А еще мне девочка робко, виновато  
сообщила, голову опустив слегка,  
что похож лицом я на родного брата,  
на ее любимого брата Василька.  
Вася-Василечек, что с тобою случилось  
за Днепром,  
за Доном  
или у Двины!  
Только помнит девочка, что она рассталась  
с добровольцем-братом в первый день войны.  
Я сидел с Наташей, тихий и смущенный,  
я утер ей слезы стиранным платком.  
Я ей хлеб намазал пожирней сгущенным,  
ледяным, пайковым сладким молоком.  
Долго мы молчали, слова избегая,  
облитые светом жидкого огня.  
А потом сказал я:  
— Вот что, дорогая,  
с этих пор братишкой ты зови меня!

1942 г.

## ПОЛЕ РУССКОЙ СЛАВЫ

Медленно и бережно ступая,  
мы идем под небом голубым,  
в полевых ромашках утопая,

вежливо дорогу уступая  
синим колокольчикам степным.  
Любо здесь увидеть стаи птичьи  
и не видеть дым пороховой.  
Вот оно, во всем своем величье,  
поле нашей славы боевой.  
Вот оно простерлось перед нами.  
Встань к нему, родимому, лицом,  
полюбуйся пышными цветами,  
политыми кровью и свинцом.  
Все, что было выжжено и смято,  
заново оделось в зелена.  
Но хранит земля

торжественно и свято  
страшный стон железа и огня.  
Кажется, пригнись к земле холодной,  
чутким ухом ближе припади —  
и услышишь звук трубы походной  
у пригорка тихого в груди.  
Это здесь, под хмурым небом бранным,  
шел туляк на смертный бой с врагом,  
пробивая путь четырехгранным,  
кованым, карающим штыком.  
Это здесь в неистовом разгоне  
на роскошных седлах расписных  
в бой несли каурой масти кони  
забубенных всадников донских.  
Это здесь, на голубом просторе,  
на виду у меркнувшей зари  
разливали огненное море  
яростные наши пушкари.  
Это здесь, на этом самом месте,  
не ходивший к страху на поклон,  
испытав всю жгучесть нашей мести,  
содрогнулся сам Наполеон.  
Поле брани! Поле русской славы!  
Это здесь, черней горелых пней,  
полегли фашистские оравы  
под огнем советских батарей.  
Русский воин!

Разве ты в неволе  
можешь быть, пока ты сердцем жив?  
Разве ты минуешь это поле,  
гордой головы не обнажив?  
Разве вдохновенно и сурово  
слово клятвы вслух не повторишь?

Разве боевое это слово  
в славные дела не воплотишь?  
Где б ты ни был, честный русский воин,  
помни: о тебе гремит молва.  
Будь всегда носить в крови достоин  
гневный жар великого родства.  
Бейся в схватках равных и неравных  
до конца! Плати врагу сполна!  
Помни, что ты правнук и праправнук  
доблестных солдат Бородина.

1942 г.

## РУССКИЙ ЧЕЛОВЕК

Гром пушек смолк. Победным светом вещим  
озарены просторы нив, полей и рек.  
И первого, кому мы рукоплещем,  
мы называем — русский человек.  
Вот он стоит, отвагою богатый,  
сто тысяч верст проделавший пешком,  
застенчивый, немного угловатый,  
с челябинским иль волжским говорком.  
Мне все в нем любо: жар его природный,  
и грусть его, и давняя мечта  
о счастье, о свободе всенародной,  
и искренность его, и широта.  
И выдумки его, и присказки, и пенье  
протяжных песен о своей судьбе,  
и гордое его многотерпенье,  
не знающее равного себе.  
В дни обороны, в пору наступленья  
порыв и месть шагали в ногу с ним.  
Он был всегда примером вдохновенья  
многоплеменным братьям боевым.  
Он все прошел. Он видел в жизни виды.  
Он испытал в решительном бою  
и гнев святой, и ярость от обиды,  
и скорую отходчивость свою.  
Он правды добивался неуклонно,  
как верный страж своей родной земли.  
Не потому ль насильников знамена  
к его ногам (в который раз!) легли.

Гордись, мой друг, что ты есть сын России,  
сын рек ее, лесов, озер и нив,  
что ты прошел сквозь ливни грозовые,  
усталой головы не наклонив.  
Пусть тебя кружили непогоды,  
но счастлив будь безудержно, до слез,  
что принял ты в младенческие годы  
благословенье северных берез.

1945 г.

## ПРЯМЫЕ УЛИЦЫ КУРГАНА

*Сестре Марии*

Кургана улицы прямые!  
Увидев вновь вас, понял я  
с особой ясностью впервые,  
что это родина моя.  
Все тот же дом последний с края  
все та же верба сторожит.  
Здесь дым младенчества витает  
и прах родительский лежит.  
Босыми шлепая ногами  
по теплой пыли городской,  
я здесь пронес сиротства камень  
и холодок любви мирской.  
Но я ничуть не укоряю  
ни мрак нужды, ни холод зим —  
я все теперь благословляю  
и все считаю дорогим.  
Здесь знаю я любые вышки,  
любой забор, любой квартал,  
здесь я читал еще не книжки,  
а только вывески читал.  
Я здесь могу найти вслепую  
любое прясло с деревцом,  
любую лесенку, любую  
калитку с кованым кольцом.  
Здесь дождевой порою вешней  
на толстых сучьях тополей  
крепил я легкие скворешни,  
гонял со свистом голубей.  
Да, я люблю любовью давней,  
без всякой ложной похвальбы,  
и эти створчатые ставни,



и телеграфные столбы,  
и крыш убранство жестяное,  
и звон бубенчиков в ночи,  
и в небо ввинченный ночное  
бурав пожарной каланчи.  
Прямые улицы Кургана!  
Я вновь и вновь на вас смотрю  
и говорю вам без обмана,  
как сестрам брат, вам говорю:  
хотя внезапная разлука  
и разделила вас со мной,  
мне не забыть родного звука,  
метели посвист ледяной.  
И если есть во мне хоть малость  
того, что следует беречь,  
так это ваша власть сказалась  
и отложились ваша речь.  
И если ярость азиат  
во мне, как брага, разлита,  
так это ваша виновата  
сквозная даль и прямота.

1946 г.

\* \* \*

Четыре десятка прожито,  
пятый десяток начат.  
Виски прихватила изморозь,  
а это бесспорно значит:  
Юность умчалась-канула  
в блеске огней сигнальных.  
Старость еще на подступах,  
но уже не на дальних,  
То, что вчера тревожило,  
не удивляет ныне.  
Прежнего легковерия,  
стало быть, нет в помине.  
Все учтено, проверено...  
Но почему ж в итоге,  
вместо успокоения  
только одни тревоги?  
Вьется у изголовия  
замыслов вереница.

Тянет куда-то непогоду,  
и по ночам не спится.  
Мало и скупо радуясь,  
глупую спесь отбросив,  
еще держусь под бременем  
сгрудившихся вопросов:  
верится или кажется?  
Видимость или призрак?  
Или опять кружение  
путаных слов капризных?  
Гладкопись на поверхности?  
Или находка в недрах?  
Кто это — друг испытанный?  
Или давнишний недруг?  
Птицей лечу под облаком  
или сижу на бревнах?  
Или бреду по берегу  
редких удач неровных?  
Хочется и не терпится  
твердым владеть огнивом.  
Жизни не жаль, но только бы  
быть до конца правдивым.  
Вот и бросаюсь сызнова  
в зной и в разгул метели  
на разъездные поиски  
трудной желанной цели.  
1956 г.

## ТЕРПЕНИЕ

Ты говоришь, что все трудней писать,  
что не дается нужная строка.  
Вот, кажется, она уже близка,  
ан вырвалась, коварная, опять  
и дразнится, маня издалека.

А ты терпи, коварству вопреки,  
держи на взводе хитрый карандаш,  
иначе потеряешь власть руки  
и дорогое золото строки  
другому, терпеливому, отдашь.

1958 г.

## НЕТ МНЕ ПОКОЯ

Стужа ли рыщет за зимней рекою,  
осень ли машет плетью расписными,—  
нет мне покоя, нет мне покоя,  
силой желаю помериться с ними.

Хочется взять, как бесценный подарок,  
кружево вьюги и пламень осенний  
и передать без чернильных помарок  
другу-читателю плод наблюдений.

Хочется, радуясь скромному дару,  
вынести слово на высшую пробу —  
глянуть по-братски в глаза сталевару,  
близко прийти по душе хлеборобу.

Слышу ли отзвуки дальнего боя,  
чую затишье ли (грома предтечу),—  
нет мне покоя, нет мне покоя,  
твердо иду беспокойству навстречу.

Жадно спешу то сугробом, то бродом,  
в поздний мороз или в паводок ранний  
смело делить с неотступным народом  
горькую чашу его испытаний.

Так было в дни сорок первого года  
(это ль была не крутая эпоха!),  
так будет в пору любого похода.  
Всюду. Всегда. До последнего вздоха.

Честно стараюсь ускорить строкою  
завтрашней жизни прямое движение.  
Нет мне покоя, нет мне покоя,  
чувствую новых забот приближенье.

Есть ведь еще, к сожаленью, на свете  
чад критиканства, и холод неверья,  
и болтуны, и лжецы на примете,  
и равнодушно скрипящие перья.

Как же пройти мимо личностей этих,  
делая вид, что зрачки не узрели,  
как же колючим стихом не задеть их  
в снежном ли злом январе, в сентябре ли.

Вот и шагаю с открытым забралом,  
знойную рифму держу наготове,  
сроду в пути не сказавшись усталым,  
жар сохраняю в нацеленном слове.

Счастье ли, горе ли вижу людское,  
ведро ли светит, ненастье ли студит, —  
нет мне покоя, нет мне покоя,  
и никогда, вероятно, не будет.

*1963—1964 гг.*

### ДРУГ

Есть у меня старинный друг,  
который

(точно!)

лучше двух.

Не дай бог, вдруг случись беда —  
мой друг со мной в беде всегда.

А нет беды — и друга нет.

И так вот три десятка лет.

— Ну, как дела?

— Дела табак...

— Зачем же ты молчал, чужак? —

И начинает верный друг,

не покладая добрых рук,

в подмогу вкладывать труды

вплоть до изгнания беды.

Ушла беда далеко в тыл —

и смотришь, друга след простыл.

И снова не слышать о нем,

не сыщешь друга днем с огнем.

Ан нет!

Звонок издалека:

— Здоров?!

— В порядке.

— Ну, пока!

Чужаковат мой друг. Так что ж!

Зато он явственно похож

на долгожданный ветер в зной,

на благодатный дождь грибной,

на исцеляющий покой,

на огонек в ночи глухой.

*1973 г.*

К. А. Б.  
(СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ)

Когда мне с почты полевой  
приносят весть твою,  
неторопливый почерк твой  
я сразу узнаю.  
Нет, в этот день я не хожу,  
я целый день лечу,  
и имя Ксения твержу,  
и «жди меня» шепчу.  
И потому что с давних пор  
ты так мне дорога,  
мне легче жить и легче бить  
проклятого врага.  
И если я, в конце концов  
пройдя огонь и дым,  
взгляну в любимое лицо  
здоров и невредим,  
ты так и знай: за сотни верст вела меня в борьбе  
одна из самых ясных звезд —  
моя любовь к тебе.

*Западный фронт. 1942 г.*

\* \* \*

Вот на бульваре старый дом,  
вот в окнах яркий свет.  
Здесь жили мы с тобой вдвоем  
нелегких десять лет.  
Вот здесь ты, грустная, впотьмах,  
в ночи ждала меня.  
Вот здесь с гитарою в руках  
ты пела у огня.  
Здесь был и холод, и уют,  
и спор, и шум, и гам,  
и радость мы делили тут  
и горе пополам.  
Вот в желтых листьях тесный двор,  
а вот скамья в саду,  
где я сказал, потупя взор, что больше не приду.

Опять ты мне снилась. В тумане, в бреду  
проснулся я в эту угрюмую полночь.  
Ужели покоя нигде не найду?  
Ужели никто не придет мне на помощь?

Ах, милая! Ты понимаешь сама,  
какая беда мне свалилась на плечи.  
Не ведаю, как не сошел я с ума,  
не ведаю, как не лишился я речи.

Я имя твое повторял, как пароль,  
я шел с ним в поэзию, в драку и в битву,  
и шепот мой страстный похож был порой  
на тайную, полную веры молитву.

Я верил в тебя. Я любил тебя так,  
как, может быть, больше любить не сумею...  
Казался событием каждый пустяк,  
лишь был бы он связанным с жизнью твоею.

Да, да, я с тобою не жил, а летел,  
и чувство полета считал я блаженством,  
ошибок твоих замечать не хотел,  
удачи твои называл совершенством.

Достоинства женщин сверял по тебе,  
гордился тобою, как редкой находкой.  
Звездой ты была в моей трудной судьбе —  
холодной звездой, молчаливой и кроткой.

Все лучшее, что только было во мне,  
я смело тебе отдавал без остатка.  
Так что же случилось? По чьей же вине  
все так оказалось непрочно и шатко?

Конечно, я часто бывал виноват,  
грубил иногда, ревновал без причины.  
Но разве я стал бы тебя ревновать,  
когда б не испытывал гордость мужчины?

Ревнуют, любя, берегут, дорожа.  
А если любовь улетает из сада,  
уходят с тоскою в глазах сторожа —  
беречь облетевшие листья не надо...

Довольно. Расходятся наши пути.  
Причалы к сближенью все дальше и уже.  
О, дай тебе бог в этой жизни найти  
добрее меня человека и мужа.

\* \* \*

Я жить с тобой до старости хотел,  
до самого последнего предела.  
Идти вдвоем, пока рассудок цел,  
пока душа не вырвется из тела.

Но час настал, настал такой момент,  
что мы расстались осенью с тобою.  
И я живу теперь как инструмент  
с неосторожно порванной струною.

И ласка даже самых нежных рук  
меня не может сделать беспечальным.  
Я издаю какой-то ложный звук,  
не в силах быть, как прежде, музыкальным.

## ПЕСНИ

### МАРШ АРТИЛЛЕРИИ

То не гром грохочет в тучах  
и не молнии горят.  
Это голосом могучим  
наши пушки говорят.  
Наши прадеды и деды  
завещали нам в бою  
на смерть биться до победы  
за Россию за свою.

Не трогай, враг, земли родной.  
Россию-мать не тронь.  
Святая месть ведет нас в бой.  
Прицел верней! Огонь! Огонь! Огонь!

Огневых ударов сила  
нас прославила давно  
у подножья Измаила,  
на холмах Бородино.  
Танкам верная подмога,  
пехотинцу друг и брат,  
пробивает путь-дорогу  
дальнобойный наш снаряд.

Не трогай, враг, земли родной.  
Россию-мать не тронь.  
Святая месть ведет нас в бой.  
Прицел верней! Огонь! Огонь! Огонь!

1943 г.

### НА РЕКЕ ТОБОЛ

#### 1

Не быстра река Тобол и не светла,  
вдоль по берегу качается ветла.  
Не быстра река Тобол, не глубока,  
и ничем-то не прославлена пока.  
Обошли Тобол и слава и почет,  
потихоньку подо льдом себе течет.  
Добирается, журча да не спеша,  
до широкого красавца Иртыша.



Вечереет над Тоболом над рекой,  
 возле проруби — безмолвье и покой.  
 Как оглянешься, как будто ни души,  
 но уйти с Тобола сразу не спеши.  
 С бисеринками-дробинками в очах,  
 с самодельным коромыслом на плечах,  
 в подшивных пимах шагает от моста  
 северяночка — гордячка красота.

На пуховом полушалочке снежок,  
 на шубейке опояска-ремешок.  
 Больно девушка приметна и мила,  
 видно, гостя из колхозного села.  
 Уж как был бы я бы парень холостой,  
 непременно бы сказал я ей: «Постой!  
 Ты постой, постой, красавица моя,  
 дай мне наглядеться, радость, на тебя».

*1946—1950 гг.*

### СЛАВА НОВОЙ МОСКВЕ

То не вьюга шумит и не ветер поет,  
 налетая на Красную площадь,—  
 то советское знамя с кремлевских высот  
 над седыми веками полощет.  
 То не избы стоят, не бояр терема,  
 не возок в переулке плутает,—  
 то, как в сказке, стоят великаны дома,  
 под домами метро пролетает.

Слава нашей Москве,  
 слава светлой судьбе,  
 слава, слава народу свободному,  
 слава нашим делам,  
 слава крепким рукам,  
 слава Партии — другу народному!

То не кони храпят у царева крыльца,  
 не заморская знать заглянула,—  
 то великая Волга к подножью дворца  
 на поклон к Ильичу повернула.  
 То не птицы поют высоко в синеве  
 и не плещутся волны морские,—

это слава гремит о советской Москве,  
о столице Советской России.

Слава нашей Москве,  
слава светлой судьбе,  
слава, слава народу свободному,  
слава нашим делам,  
слава крепким рукам,  
слава Партии — другу народному!

1947 г.

## ДОРОЖНАЯ

Лучами красит солнышко  
стальное полотно.  
Без устали, без устали  
смотрю, смотрю в окно.  
Леса, равнины русские,  
пригорки да кусты,  
платформы деревянные,  
железные мосты.

Любимая, знакомая,  
зеленая, бескрайная,  
земля родная — родина!  
Привольное житье!  
Эх, сколько мною езжено,  
эх, сколько мною видено,  
эх, сколько мною пройдено,—  
и все вокруг мое!

То фабрика кирпичная —  
высокая труба,  
то хата побеленная,  
то в поле молотба.  
И все-то сердцу дорого,  
и нет версты такой,  
поселка или города,  
чтоб был тебе чужой.

Любимая, знакомая,  
зеленая, бескрайная,  
земля родная — родина!  
Привольное житье!

Эх, сколько мною езжено,  
эх, сколько мною видено,  
эх, сколько мною пройдено,—  
и все вокруг мое!

Уже роса за стеклами,  
уже видать луну,  
а я стою, прикованный  
к вагонному окну.  
Уже пора посвечивать  
ночному фонарю,  
а я гляжу на сумерки  
и тихо говорю:

Любимая, знакомая,  
зеленая, бескрайная,  
земля родная — родина!  
Привольное житье!  
Эх, сколько мною езжено,  
эх, сколько мною видено,  
эх, сколько мною пройдено,—  
и все вокруг мое!

1947 г.

## МОСКВА СОВЕТСКАЯ

Говорят, что есть на свете  
раскрасавцы города,  
но я знаю: не сравниться  
им с Москвою никогда!  
Много лет столице нашей,  
ей минуло восемьсот,  
а Москва все молодеет,  
молодеет и цветет.

Москва, Москва моя,  
Москва моя — красавица!  
Несравненная, родимая земля!  
Неба синего, далекого касаются  
звезды алые старинного Кремля.

Хороша Москва дневная —  
в блеске солнечных лучей,  
хороша Москва ночная —  
не сочтешь ее огней.

Широки просторы улиц,  
скверы-парки широки,  
под высокими мостами  
ходят волжские гудки.

Москва, Москва моя,  
Москва моя — красавица!  
Несравненная, родимая земля!  
Неба синего, далекого касаются  
звезды алые старинного Кремля.

Выйду, выйду я на берег,  
на гранит Москвы-реки,  
посмотрю, как волны мчатся  
с ветерком вперегонки.  
Я поеду вдоль бульваров,  
прокачусь по площадям  
и всему, что я увижу,  
сердце верное отдам.

Москва, Москва моя,  
Москва моя — красавица!  
Несравненная, родимая земля!  
Неба синего, далекого касаются  
звезды алые старинного Кремля.

1947 г.

### БЕЛАЯ БЕРЕЗА

Я помню, ранило березу  
осколком бомбы на заре.  
Студеный сок бежал, как слезы,  
по изувеченной коре.

За лесом пушки грохотали,  
клубился дым пороховой.  
Но мы столицу отстояли,  
спасли березу под Москвой.

И рано-раненько весною  
береза белая опять  
оделась новою листвою  
и стала землю украшать.

И с той поры на все угрозы  
мы неизменно говорим:  
«Родную русскую березу  
в обиду больше не дадим!»

1951 г.

**ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАРОДИИ**  
(1937—1969)

## БУРБОНЫ ИЗ СОРБОННЫ

(Павел Антокольский)

Здесь побывали все под сводом книжной арки:  
аркебузиры, лучники прошли,  
Вийоны, Дон-Кихоты, Тьеры, Жанны д'Арки.  
В жабо. В ботфортах. В пудре. И в пыли.

Здесь были все. Голландцы. Турки. Негры. Греки.  
Здесь пили пунш. И били баккара.  
Глотали сандвичи. Бананы. Чебуреки.  
Альфонсы. Франты. Шлюхи. Шулера.

Здесь пропивали все: и кебы и фургоны.  
Лечили люис. Нюхали цветы.  
Магистры. Пэры. Мэры. Сэры. Гарпогоны.  
Гризетки в капюшонах. И шуты.

Здесь папа Пий, пия, рыдал фиоритурой.  
Здесь всех имен вертелось колесо.  
Пока его сверхсупермодной кубатурой  
не перешиб художник Пикассо.

Здесь морг времен. Кладбище. Свалка. Нашу жалость к усопшим завернем в остатки от портьер. Здесь все пюрэмшалось и слежалось: Макс Линдер, Командор и Робеспьер.

Здесь пахло аглицким, немецким и французским.  
Здесь, кто хотел, блудил и ночевал.  
Здесь только мало пахло духом русским,  
поскольку Поль де Антоколь не пожелал.

**ВАСИЛИЮ АРДАМАТСКОМУ, АВТОРУ ПОВЕСТИ  
«ОН СДЕЛАЛ ВСЕ, ЧТО МОГ»**

Его я, видит бог,  
судить не буду строго.  
Он сделал все, что мог,  
хоть сделал и немного.

## ДЕТСКАЯ ШУТКА

*(Агния Барто)*

Пишет А. Барто толково,  
часто в темпе Михалкова,  
но зато наверняка  
отстает от Маршака.  
Вот надеть бы на Барто  
маршаковское пальто  
да на обе бы ноги  
с Михалкова сапоги, —  
вот тогда бы, вот тогда бы  
всех Барто обогнала бы!  
Всыпав крепко Михалкову,  
догнала бы Бичер-Стоу  
и развеяла бы в дым  
братьев Тур и братьев Grimm.

## ОЧЕНЬ ХОЧЕТСЯ КЛЮКВЫ!

*(Виктор Боков)*

Очень хочется клюквы —  
мочажинного слова!  
Очень хочется клюкнуть  
нестерпимо квасного.

Шибко хочется влаги  
со сластинкой-кислинкой,  
сусла, редьки, бодяги,  
балалайки с волынкой!

Тело просится в заводь,  
в камышовую негу,  
окунуться, поплавать,  
да и шашь под телегу!

Так и гнет к буеракам,  
так и тянет к излукам  
кушать Клюева с маком,  
Заболоцкого с луком.

Сердце требует пенок,  
трехсаженных признаний,  
высоченных оценок,  
мановенных изданий!

Очень хочется тропку  
заприметить к кассирше —  
пост справлять неторопко,  
разговляться поширше.

Льнет душа к русопятам,  
а в случае особом  
на юру на попятном —  
к поэтическим снобам.

Очень хочется скопом  
сельдерея со злаком,  
спорыньи с коготопом,  
щавеля с пастернаком!

### НОЧЬ КОРОТКА

*(Евгений Долматовский)*

Ночь коротка. Жизнь так легка!  
В пять минут сочиняю я песню,  
потому что набита рука.  
Пусть я с темой совсем не знаком,  
все равно утвердит репертком.  
С композитором вместе  
в Бухаресте иль Бресте  
мы навертим вдвоем  
и о том, и о сем,  
а скажу вам по чести:  
сам не знаю о чем!

### В БЕГАХ

*(Евгений Евтушенко)*

Я весь в пуху,  
в репейнике,  
в снегу.

Что знаю я?

Я ничего не знаю.  
Я от себя стремительно бегу  
и сам себя все время догоняю.  
Есть пункт в Москве.

Он как бы спит украдкой.  
Не площадь, не проспект и не тупик.

Собачей называется площадкой,  
хотя вокруг кошачий слышен крик.  
Там дом, и лестница, и глубь окна,  
а за окном —

прелестница одна.

Она в меня, конечно, влюблена,  
но в этом вовсе не моя вина.  
Буран ли белый, дождик ли косой —  
я мчусь вперед,

я жму на все лопатки,  
качусь под горку длинной колбасой  
без усталости, конечно, без оглядки.  
Ах, модные ботинки,

не скрипите!

А вы, далекая,  
забудьте про беду.  
Возьмите сердце в руки.

Потерпите.

Я,  
как набегаюсь,  
немедля к вам приду.

### **АНДРЕЮ ВОЗНЕСЕНСКОМУ, АВТОРУ «ТРЕУГОЛЬНОЙ ГРУШИ»**

Силен Вознесенский Андрюша,  
он нас повергает в испуг:  
на нем треугольная груша  
и серый походный сюртук.

### **СУХОПУТНЫЙ МОРЯК**

*(Александр Жаров)*

Зря зовут меня тайком  
сухопутным моряком.  
Скажем, взять мои труды —  
нешто мало в них воды?!  
Если глубже заглянуть,  
можно тут же утонуть.

### **ДЯДЯ СТЕПА**

*(Сергей Михалков)*

Кто не знает дядю Степу!  
Он усат, но безбород.



Кто не видел дядю Степу  
в полном смысле вразворот?  
Он стихи слагает ловко —  
это раз!  
На плечах его обновка —  
это два-с!  
Он и пьесы сочиняет,  
и кино не забывает,  
и охотно развлекает  
и актеров и актрис —  
это три-с!  
Все мы любим дядю Степу.  
Уважаем дядю Степу.  
Нет таких редакторов,  
кто его произведенья  
про лисиц и про бобров  
принимал бы без почтения.  
И на каждое чиханье  
раздается восклицанье:  
«Дядя Степа, будь здоров!»

### **ФАКТ, А НЕ РЕКЛАМА**

*(Иван Молчанов)*

Я нигде не бил посуду,  
жил как мог, писал как мог.  
А прославиться повсюду  
Маяковский мне помог.

### **БЕЛЬЕ НА ВЕРЕВКЕ**

*(Степан Щипачев)*

Все сердцу любо. Все ласкает взор.  
Я на простор хочу, я выхожу во двор.  
Вот воробей чирикнул.  
Сколько в нем сноровки!  
Вот сушится соседское бельишко на веревке.  
Подумать только: грязь на нем была!  
А вот отмылось же бельишко добела!  
Каким оно мне кажется приветливым и милым!  
Как замечательно, что есть торговля мылом!

## СОДЕРЖАНИЕ

Певец России . . . . .	3
Эхо . . . . .	7
Россия . . . . .	8
Двадцать три весны уже подогнуто... . . . .	9
Землякам-сибирякам . . . . .	10
Наташа . . . . .	10
Поле русской славы . . . . .	11
Русский человек . . . . .	13
Прямые улицы Кургана . . . . .	14
Четыре десятка прожито... . . . .	15
Терпение . . . . .	16
Нет мне покоя . . . . .	17
Друг . . . . .	18
К. А. Б. СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ . . . . .	19
<b>ПЕСНИ</b>	
Марш артиллерии . . . . .	22
На реке Тобол . . . . .	22
Слава новой Москве . . . . .	23
Дорожная . . . . .	24
Москва советская . . . . .	25
Белая береза . . . . .	26
<b>ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАРОДИИ (1937—1969)</b>	
Бурбоны из Сорбонны ( <i>Павел Антокольский</i> ) . . . . .	27
Василию Ардаматскому, автору повести «Он сделал все, что мог» . . . . .	27
Детская шутка ( <i>Агния Барто</i> ) . . . . .	28
Очень хочется клоквы! ( <i>Виктор Боков</i> ) . . . . .	28
Ночь коротка ( <i>Евгений Долматовский</i> ) . . . . .	29
В бегах ( <i>Евгений Евтушенко</i> ) . . . . .	29
Андрею Вознесенскому, автору «Треугольной груши» . . . . .	30
Сухопутный моряк ( <i>Александр Жаров</i> ) . . . . .	30
Дядя Степа ( <i>Сергей Михалков</i> ) . . . . .	31
Факт, а не реклама ( <i>Иван Молчанов</i> ) . . . . .	31
Белье на веревке ( <i>Степан Щипачев</i> ) . . . . .	31

Сергей Александрович **ВАСИЛЬЕВ**

### РОССИЯ

Предисловие и составление

кандидата филологических наук Г. С. Васильевой.

Редактор В. В. Белецкая

Технический редактор О. Н. Ласточкина

---

Сдано в набор 03.11.83. Подписано к печати 29.12.83. А 00771.  
 Формат 70×108<sup>1</sup>/<sub>32</sub>. Бумага газетная. Гарнитура «Школьная».  
 Offsetная печать. Усл. печ. л. 1,40. Учетно-изд. л. 1,66.  
 Тираж 100 000 экз. Изд. № 332. Зак. № 1693. Цена 15 коп.

---

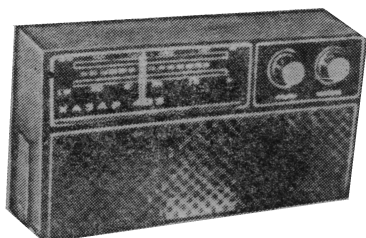
Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография  
 газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. ГСП. Москва,  
 А-137, ул. «Правды», 24.



Цена 15 коп.

Индекс 70668

# ХАЗАР-403



## «ХАЗАР-403»

Простота и строгость отделки, чистое и естественное звучание, повышенная выходная мощность — качества, благодаря которым «Хазар» завоевал международный рынок.

«Хазар-403» — переносной транзисторный радиоприемник, работающий в диапазонах длинных и средних волн.

Цена — 29 руб. 34 коп.

**ЦКРО «Радиотехника»**